

УДК 39

DOI 10.46698/VNC.2023.90.77.001

Т.К. Салбиев

Тамерлан Казбекович Салбиев

Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН им. В.И. Абаева, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, Россия, Владикавказ, e-mail: galabu054@gmail.com

Осетинский шуточный танец *Гогыз / Гогуз* 'Индейка' (мифологический аспект)

Аннотация. Изучение мифологического аспекта осетинского шуточного танца *Гогыз / Гогуз* (Индейка) показывает, что по своей функции он носит обучающий характер и призван раскрыть изначальную подражательную природу танца. Сопровождающий его исполнение комический эффект достигается за счет свойственной ему пародийности, поскольку индейка выступает в роли карикатуры на тетерева (одновременно противопоставляя природу и культуру, охоту и домашнее хозяйство). Лежащий в его основе сюжет птичьих брачных игр отсылает к архаической культовой природе тетерева, которая обнаруживает себя в бронзовой привеске-амulette из северокавказского могильника Терезе (конец XII–VIII вв. до н. э.).

Ключевые слова: осетины, хореография, мифология, культ, эволюция.

Tamerlan K. Salbiev

Abaev V.I. Centre for Scytho-Alanic Studies of VSC RAS, Senior Researcher, PhD, Russia, Vladikavkaz, e-mail: galabu054@gmail.com

Ossetian comic dance *Gogyz / Goguz* 'Turkey' (mythological aspect)

Abstract. The study of the mythological aspect of the *Gogyz / Goguz* (Turkey) dance shows that it is educational in its nature and is intended to reveal the original imitative nature of the dance in general. The comic effect, accompanying its performance is achieved due to the parody nature, since the turkey acts as a caricature of a black grouse (simultaneously contrasting nature and culture, hunting and housekeeping). The plot of bird mating games refers to the archaic cult nature of the grouse, which reveals itself in a bronze pendant-amulet from North Caucasian Tereze mortuary (the end of XII–VIII cent. BC).

Keywords: Ossetians, choreography, mythology, cult, evolution.

В числе так называемых осетинских традиционных «животных» танцев особое место занимает танец *Гогыз / Гогуз* (Индейка). Он так же, как и остальные танцы подобного рода, является подражательным по своей природе, имитирующим повадки животных (подробнее об этом см.: [1, с. 366–367]). Вместе с тем в отличие от них он носит не серьезный, а шуточный характер, почему и стоит особняком. Кроме того, стоящий в центре танца образ индюка относится не к диким, а к домашним животным, и потому он никак не может быть связан с охотой.

Согласно описанию М.С. Туганова, который также приводит и рисунок его наиболее характерного движения, танец носил шуточный характер и был призван развеселить собравшихся и снять напряжение, которое там неизбежно возникало из-за осознания той высокой ответственности, которая ложилась на плечи участников общественных танцев, ведь каждое их движение становилось предметом тщательного рассмотрения и последующего обсуждения. Вероятно, этим веселым, карнавальным характером следует объяснить и его популярность, что и стало причиной, по которой на него обратил внимание М.С. Туганов и включил его в перечень описанных им танцев и даже сделал зарисовку наиболее характерного движения [2, с. 83–84]. Все же, несмотря на откровенно шуточный характер, изучение мифологического аспекта этого танца позволяет пролить свет на общие вопросы функции, семантики и происхождения осетинской хореографии в целом, которые и будут в центре внимания настоящей статьи.

Рис. 1. Танец «Индейка» (Гогыз).
Зарисовка М.С. Туганова

Прежде всего, следует заметить, что в целом шуточные танцы хорошо известны народам мира, и кавказцы в этом отношении не составляют исключения. Вместе с тем шуточный характер не исключает, а в некотором

смысле даже и предполагает, наличие значимых общекультурных особенностей. В этой связи можно указать на адыгскую традицию, в которой подобные танцы, согласно наблюдениям исследователей, помимо смеховой, также имеют и обучающую, и воспитательную функции, подготавливающие исполнителей к серьезному репертуару [3, с. 114]. Нельзя в этой связи не вспомнить известную осетинскую детскую дразнилку, которая подтверждает справедливость приведенного высказывания. Не так давно, когда урбанизированность осетинского социума еще не была столь велика, как в наши дни, дети имели обыкновение, встав перед индюком, провоцировать его на своеобразный танец, повторяя речитативом несколько раз одну и ту же ритмизированную фразу: «*Гогыз кафын нæ зонь, æз та зоньн ...*» (Индюк танцевать не умеет, а я умею...). Так продолжалось до тех пор, пока индюк не начинал выказывать признаки раздражения, обычно он хохлился, недовольно мотая своим красным носом из стороны в сторону и грозно кудахча. И здесь танцующий индюк предстает в комическом свете, во время его исполнения танцоры в виде пантомимы изображали в комическом ключе ухаживания индюка за своей партнершей. Главная обучающая функция, специально облаченная в форму веселья и смеха, заключается в экспликации подражательного характера всей осетинской хореографии, наделении танца сюжетом и узнаваемыми участниками. Иначе говоря, детей подводят к мысли о том, что все танцы наделены не только определенным, но еще и глубоким смыслом.

Ключевую роль для постижения его смыслов и происхождения приобретает его название, которое, фактически, носит программный характер. В первую очередь, конечно, следует отметить его «брачную» семантику, поскольку общее композиционное построение танца предполагает ухаживания индюка. Однако этим, конечно, дело не ограничивается. Само осетинское название индейки – *goguz / goguz*, согласно В.И. Абаеву, является не просто тюркским заимствованием, но еще достаточно поздним по своему происхождению и буквально значит «синяя птица» [4, с. 522]. Всем хорошо известно, что индейка была достаточно поздно завезена в Европу из Нового света, где и была domesticiрована. Тем не менее, вряд ли могут быть сомнения в архаическом происхождении самого танца, о чем свидетельствует, в числе прочего, свойственный ему характер пантомимы. Весьма вероятно, что мы имеем дело с поздней трансформацией, ставшей результатом исторической эволюции и обеспечивающей его актуальность в культуре, соотносящей его образы с известными в реальном хозяйственном быту весьма колоритными птицами.

В связи со сказанным следует полагать, что образ индюка является вторичным, поскольку всякая одомашненная птица имела своего изначального протагониста, который так и остался жить в дикой природе. На эту роль со всеми основаниями может претендовать тетерев, значительно меньший по своим размерам, но похожий на индюка и по своему внешнему виду, и по повадкам. Однако тетерев предстает благородной птицей, живущей на свободе в природе, и пенье его приятно для человеческого уха, тогда как индюшье кудахтанье носит резкий, раздражающий человека характер. В целом индюк – с

его напускной важностью и сердитым нравом – выступает в роли карикатуры на тетерева.

Обращу внимание и на другие отличительные особенности. У тетерева самец и самка различаются не только размером, но и своим окрасом, что находит выражение и в осетинской лексике [5, с. 485]. При этом все известные лексемы имеют ясную внутреннюю форму. Так, самец будет называться *саугарк*, то есть «черная курица», а самка соответственно – *бургарк*, то есть буквально «бурая курица». Хотя есть и общее название *кьюырмагарк*, что будет буквально значить «слепая курица», в чем находит отражение характерная для тетерева во время тока потеря контроля за окружающим миром, хорошо известная всем охотникам, когда их можно буквально брать голыми руками. Как видим, все три лексемы основаны на наблюдениях за их внешним видом и повадками. Речь, конечно, идет о кавказском тетереве, являющемся эндемиком и называемом по-латински *Lyrurus mlokosiewiczii* Tacz., 1875, относящемся к семейству тетеревиных [6, с. 98–99]. Примечательно, что, хотя он и внесен в Красные книги, и по сей день популяция кавказского тетерева в республике стабильна.

К счастью, помимо книжных описаний до нас дошла и телевизионная запись танца, аутентичность исполнения которой не вызывает никаких сомнений. Документальные кадры запечатлели для нас одно из выступлений фольклорно-этнографического ансамбля «*Хъуыбады*», участники которого выросли в живой традиции и сохраняли ее дух до тех пор, пока это было возможно. Солист – известный в республике танцор и хореограф Василий (Уагка) Джатиев [7]. Одной из характерных примет этой записи следует считать фигуру ряженого, представленного образом обезьяны (маймули), мешающего исполнению танца и в конце падающего к ногам танцоров. В этом приеме можно видеть характерный элемент традиционного новогоднего колядования, когда ряженный «умирал» и оставался лежать на земле до тех пор, пока хозяева не одаривали своих гостей угощением. Получив исковое вознаграждение, ряженный вновь воскресал, знаменуя, по всей видимости, новогоднее обновление мира [8, с. 485]. Вовсе не случайно он оказался участником танца *Гогыз*, поскольку и здесь мы наблюдаем ясную соотнесенность с эпохой первотворения, когда еще нет непреходимой границы между людьми и животными, ког-

Рис. 2. Кавказский тетерев

Рис. 3. Цветная вклейка. [9, с. 128-129]

да люди знают не только повадки, но и язык животных, благодаря чему становится возможным одомашнивание последних. Нельзя не обратить внимание и на то, что вновь, так же, как и в случае с образом индюка, мы имеем дело с поздней трансформацией, поскольку обезьяна представляет собой вид экзотического, «заморского» животного, используемого для расширения культурных рамок танца до вселенских масштабов, придания им универсального характера. Заслуживает упоминания и сам заимствованный характер ряженого – обезьяны не водились в местной природе. Но эта экзотичность и инородность лишь подчеркивают его «потустороннее» происхождение, трактуя его как элемент энтропии, регулирующий вторжение хаоса в пространство культуры.

В связи с изучением мифологического аспекта рассматриваемого танца, для пущей убедительности было бы весьма желательно показать и культовую составляющую образа тетерева. В качестве первого шага на этом пути можно было сослаться на одну из бронзовых привесок-амулетов из северокавказского могильника Терезе, исследованного известным археологом В.И. Козенковой, относящей его к эпохе поздней бронзы и датирующей концом XII–VIII вв. до н. э. Описывая бронзовые привески-амулеты, крепившиеся к женскому ожерелью, ис-

следовательница особо отмечает одну из них в форме птицы, для которой единственной характерна петля на спине [9]. Весьма вероятно, что мы имеем дело с изображением тетерева, на что указывает целый ряд характерных особенностей: небольшого размера голова и клюв, тонкая шея, плотное туловище и специфическое хвостовое оперение. Эта птица стоит совершенно особняком в ряду других фигурок, которые также входили в набор ожерелья. В любом случае приведенное сопоставление может быть оправдано как попытка идентификации известного образа.

Как видим, в шуточном танце всерьез сведены не только наблюдения над повадками животных, но и сохранилось изначальное представление о единстве человека и природы. Образ ряженого, естественно дополняющий общую смеховую природу танца, позволяет соотнести его брачную семантику с календарными праздниками, придавая ему еще и вселенский масштаб обновления мира. Наконец, обращение к кобанской бронзе может служить документальным подтверждением культовой составляющей, характерной для образа тетерева, которого в результате исторической эволюции вытеснил его заимствованный собрат – индюк.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алборов Б.А. Осетинские танцы // *Некоторые вопросы осетинской филологии. Книга вторая*. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2005. С. 359–382.
2. Туганов М.С. Осетинские народные танцы // *Махарбек Туганов. Литературное наследие / Сост. Д.А. Гиреев и Э.М. Туганов*. – Орджоникидзе: Ир, 1977. С. 68–94.
3. Кушу С.А. Шуточные танцы адыгов (черкесов). – Майкоп: ООО «Полиграф-ЮГ», 2018. 124 с.
4. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том I, А–К'. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. 656 с.
5. Абаев В.И. Русско-осетинский словарь. – М., 1950. 626 с.
6. Комаров Ю.Е., Липкович А.Д. Класс птицы // *Природные ресурсы республики Северная Осетия-Алания. Том 3. Животный*

- мир. – Владикавказ: Проект-Пресс. С. 62–198.
7. Танец Гогызы кафт [URL: [#### REFERENCES](https://yandex.ru/video/preview/?text=Uagka%20Dzhatiev&path=yandex_search&parent-reqid=1649231378394118-3602712869431015225-sas2-0235-sas-17-balancer-8080-BAL-9935&from_type=vast&filmId=2737200836379949550, дата обращения 06.04.2022].
8. Уарзиати В.С. Диалог культур в творчестве Елбасдуко Бритаева // <i>Избранные труды: Этнология. Культурология. Семiotика / Сост. В. А. Цагараев, Е.М. Кочиева</i>. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2007. С. 474–489.
9. Козенкова В.И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII–VIII вв. до н. э. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск V). – М.: «Памятники исторической мысли», 2004. 220 с.: ил.

</div>
<div data-bbox=)

1. Alborov B.A. Osetinskie tancy // *Nekotory'e voprosy' osetinskoj filologii. Kniga vtoraya*. – Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatие im. V.A. Gassieva, 2005. S. 359–382.
2. Tuganov M.S. Osetinskie narodny'e tancy // *Maxarbek Tuganov. Literaturnoe nasledie / Sost. D.A. Gireev i E.M. Tuganov*. – Ordzhonikidze: Ir, 1977. S. 68–94.
3. Kusu S.A. Shutochny'e tancy ady'gov (cherkesov). – Majkop: ООО «Poligraf-YuG», 2018. 124 s.
4. Abaev V.I. Istoriko-e'timologicheskij slovar' osetinskogo yazy'ka. Tom I, A–K'. – M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 656 s.
5. Abaev V.I. Russko-osetinskij slovar'. – M., 1950. 626 s.
6. Komarov Yu.E., Lipkovich A.D. Klass pticy // *Prirodny'e resursy' respubliky Severnaya Osetiya-Alaniya. Tom 3. Zhivotny'j mir*. – Vladikavkaz: Proekt-Press. С. 62–198.

7. Tanecz Gogy'zy' kaft [URL: [ВЕСТНИК
ВЛАДИКАВКАЗСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА](https://yandex.ru/video/preview/?text=Uagka%20Dzhatiev&path=yandex_search&parent-reqid=1649231378394118-3602712869431015225-sas2-0235-sas-17-balancer-8080-BAL-9935&from_type=vast&filmId=2737200836379949550, data obrashheniya 06.04.2022].
8. Uarziati V.S. Dialog kul'tur v tvorcheshtve Elbasduko Britaeva // <i>Izbranny'e trudy: E'tnologiya. Kul'turologiya. Semiotika / Sost. V. A. Czagaraev, E.M. Kochieva</i>. – Vladikavkaz: Proekt-Press, 2007. S. 474–489.
9. Kozenkova V.I. Biritualizm v pogrebal'nom obryade drevnix «kobancev». Mogil'nik Tereze koncza XII–VIII vv. do n. e'. (Materialy' po izucheniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vy'pusk V). – M.: «Pamyatniki istoricheskoy my'sli», 2004. 220 s.: il.

</div>
<div data-bbox=)